

В годы Великой Отечественной войны

К.П.Обозный

*Памяти моих дедов - Обозного Ивана Федоровича и
Сухорукова Петра Павловича, ветеранов Великой
Отечественной войны, прошедших немецкий плен,
посвящаю.*

Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви на оккупированной территории (Прибалтийский Экзархат и Псковская Миссия): помощь советским военнопленным 1941 - 1944 гг.

«Вера без дел мертва» - так сказал однажды Христос своим ученикам, навсегда определив деятельный, жертвенный характер христианства. Любовь к Богу невозможна без любви и милосердия к ближнему, это знали и исповедали своей жизнью христиане во все времена в разных уголках земли. Не была исключением и Русская Православная Церковь. Попечение о сиротах и бездомных, больных и обездоленных стало неотъемлемой частью служения православной церкви в Российской империи. С установлением советской власти церковь была лишена некоторых своих исконных прав (имущественное право, статус юридического лица и др.). За-

Обозный Константин Петрович – историк, краевед (г.Псков)

конодательство «рабоче-крестьянской» республики наложило строгий запрет на всякую благотворительную деятельность православных общин и приходов: «Религиозным объединениям воспрещается: а) создавать кассы взаимопомощи... б) оказывать материальную поддержку своим членам; в) организовывать как специально детские, юношеские, женские, молитвенные и другие собрания ... детские площадки ... организовывать санатории и лечебную помощь».¹

Конечно, и в те трудные годы многие христиане, священники и миряне, поддерживали ближних, попавших под гонение, в узы и болезни. Однако открыто и организованно вести благотворительную деятельность православная церковь смогла только с началом

Великой Отечественной войны. Если говорить о церкви на оккупированной немецкой армией территории, то здесь это направление практической жизни проявилось особенно отчетливо. С одной стороны, советская власть, запрещавшая благотворительность, уступила место власти оккупационной, относившейся к православной церкви и ее деятельности более лояльно. С другой стороны, потоки беженцев, лишенные крова и средств существования, дети, потерявшие родителей, голодные и обездоленные, сотни тысяч военнопленных красноармейцев, содержащиеся в немецких лагерях в нечеловеческих условиях, - таковы реалии уже первых недель военного времени. Естественно, православная церковь не могла остаться в стороне, и, как это часто бывало в годы испытаний в Российской истории, она разделила боль и страдание народа, придя ему на помощь словом и делом.

О положении военнопленных Красной Армии следует сказать особо. Оказывается, ужасающее положение русских военнопленных и в связи с этим огромных размеров смертность² стали не только результатом бесчеловечного отношения к пленным в немецких концлагерях, но и следствием политики советского руководства и лично И.В. Сталина.

В Европе попытки достичь договоренности о смягчении методов ведения войны и гуманном отношении к военнопленным начались на международном уровне в 60-е годы XIX века. Инициатива исходила от министерства иностранных дел России и лично императоров Александра II и Николая II. Поначалу предложения России не встретили понимания в европейском сообществе. В 1899 г. усилиями императора Николая II удалось созвать I Гаагскую мирную конференцию, на которой председательствовал русский посол в Лондоне барон Сталь. На конференции были выработаны пункты «Ограничения в отношении законов и обычаев сухопутных войн». Сюда был внесен пункт, касающийся отношения к военнопленным. В 1907 г. была собрана II Гаагская конференция, на которой были внесены существенные поправки в предыдущую конвенцию и четко описаны права и обязанности военнопленных.

После того, как Россия стала советской, новая большевистская власть отказалась признавать Гаагскую конвенцию. По словам В.И. Ленина, «Гаагское постановление о пленных создает шкурническую психологию у солдат».⁴ Европейская общественность, потрясенная бедствиями и жестокостью I мировой войны, принялась за разработку и пересмотр, в целях эффективности, положений II Гаагской конвенции о военнопленных. В результате 27 июля 1929 г. появилась Женевская конвенция «Соглашение об обращении с военнопленными», которая существенно дополняла Гаагское соглашение. Вот некоторые из важнейших пунктов Женевского соглашения: «регистрация пленных, инспекционное посещение лагерей представителями Красного Креста, возможность жалоб, питание, равное питанию тыловых частей армии того государства, в котором содержатся военнопленные, а также помощь Красного Креста».⁵ Руководство советского государства отказалось подписать и Женевскую конвенцию. Несмотря на обращение немецкого правительства к Международному комитету Красного Креста «с намерением договориться об условиях содержания пленным обеих сторон» (русской и немецкой), на инициативы Красного Креста, обратившегося к советским послам в Лондоне и Швеции, на предложения союзников (в частности Государственного департамента США) подписать конвенцию и соблюдать ее положения, Кремль оставался непреклонен. Аргументация Верховного Главнокомандующего Сталина была предельно проста: «Русских в плену нет. Русский солдат сражается до конца. Если он выбирает плен, он автоматически перестает быть русским».⁶ Это высказывание вождя сделано в духе знаменитого приказа №270, по которому для красноармейца не предусматривалась вероятность пленения, если же это произошло, то советский военнопленный становился на одну планку с предателем и изменником Родины. Например, пункт №2 из сталинского приказа №270 от 16 августа 1941 года гласил: «Попавшим в окружение сражаться до последней возможности, пробиваться к своим. А тех, кто предпочтет сдаться в плен, - уничтожать всеми средствами, а семьи сдав-

шихся в плен красноармейцев лишать государственных пособий и помощи».⁷ В результате миллионы русских солдат оказались в немецком плену в несказанно худших условиях, чем все остальные военнопленные армий, воюющих с нацистской Германией и ее союзниками.

Единственная поддержка советским военнопленным пришла со стороны Русской Православной Церкви, ее священников и паствы. Потому Внутренняя Православная Миссия в Латвии, организованная по благословению экзарха Сергия (Воскресенского), своей главной задачей видела окормление военнопленных Красной Армии.⁸ Протоиерей Кирилл Зайц писал об этом так: «Я был болен и вы посетили Меня, в темнице был и вы пришли ко Мне». Вся деятельность Внутренней Миссии в наши дни состояла и должна была состоять в осуществлении в жизни этих слов Спасителя по отношению к страждущим, раненым и больным военнопленным русским людям».⁹

В первые недели немецкой оккупации Прибалтики местная администрация «по своему усмотрению разрешила проводить православные богослужения в лагерях».¹⁰ У оккупационных властей в тот момент, видимо, не было четких директив и установок относительно содержания военнопленных и возможности их окормления православной церковью. В то же время, столкнувшись с невиданным количеством плененных, администрация лагерей в принципе была не против такой помощи извне, тем более, что ждать ее было неоткуда.

О деятельности Внутренней Православной Миссии летом-осенью 1941 года нам известно из воспоминаний одного из православных рижских священников и из рапорта начальника Миссии протоиерея Кирилла Зайца.¹¹ В середине августа 1941 года в Риге при экзаршем Управлении было открыто особое миссионерское отделение. «Работа по Миссии представлялась чрезвычайно важной, как... в пределах Латвийской епархии, так и в русских областях, освобожденных от большевиков». В связи с этим «...миссия разделилась на внешнюю и внутреннюю».¹² Для работы в области внешней миссии в город Псков была отправлена группа священни-

ков и псаломщиков. Цель их отправки на постсоветскую территорию России можно описать в следующих пунктах: «а) поднятие религиозного настроения в населении после гонения на религию большевиков, б) обновление оскверненных храмов, в) восстановление приходов и всей приходской жизни».¹³

В свою очередь, работа Внутренней Миссии сосредоточивалась внутри Латвийской епархии, она «должна была проявиться в удовлетворении духовных нужд военнопленных и раненых русских воинов», в оказании им материальной помощи.¹⁴

Верным помощником Внутренней Миссии в делах милосердия стал Дамский Комитет, организованный при Рижском кафедральном соборе и действовавший в течение всего периода немецкой оккупации. Митрополит Сергей (Воскресенский) лично обратился с призывом ко всем неравнодушным к судьбе несчастных, оказавшихся в немецких концлагерях. На призыв экзарха «...откликнулись отзывчивые к страданиям ближних граждане всех наций и исповеданий и принесли кто что мог - хлеб всех сортов, овощи, крупу, томаты, яблоки и пр., а также всевозможную одежду, белье, обувь и т.п.»¹⁵ Все эти пожертвования принимались дежурной дамой из Комитета, ею же велся строгий учет приношений в специальной книге. Пожертвования поступали в большом количестве, особенно продукты. «Время от времени на грузовиках или на конных подводах все продукты отправлялись в лагерь для улучшения пищи и подкрепления сил раненых, больных и слабых русских воинов».¹⁶

В работе Миссии не менее важным, чем материальное окормление военнопленных, было утоление их духовной жажды, утешение и укрепление внутренних сил. На практике это осуществлялось через организацию «богослужений в лагерях и лазаретах, в ведении бесед с пленными, в совершении исповеди и причащения Святых Тайн. Потребность во всем этом у военнопленных чрезвычайно велика. Достаточно указать на то, что 2 раза на лагерной площади была совершена Божественная Литургия, и было допущено к причащению не мене 3000 человек. Постоянно приходилось причащать раненых и в лазаретах, и количество причастников

превосходило 700 человек. Роздано книжек, Нового Завета и Евангелий отдельных евангелистов, более 600 экземпляров. В лазаретах как в воскресные дни, так и в будни совершались молебные пения и акафисты».¹⁷ Духовные труды Внутренней Миссии совершались непрерывно, в этом о. Кириллу помогали молодые священнослужители: о. Роман Берзиньш в будние дни, а о. Герман Жегалов в дни воскресные.¹⁸ Кроме них, в делах Миссии принял участие и о. Георгий Бенигсен, ставший через несколько недель членом Псковской Православной Миссии. На всю жизнь в памяти о. Георгия запечатлелись образы богослужений, проводимых на территории лагерей военнопленных: «Это были самые страшные литургии в моей жизни. Посередине лагеря, под открытым небом, совершается таинство Евхаристии. Кругом тысячи мужчин, несчастных, измученных, бесконечно усталых, голодных. Пятидесятилетние мужи и шестнадцатилетние юноши стоят, тесно прижавшись друг к другу, и плачут, не стесняясь никого, плачут, чувствуя сердцем, что здесь Тот, перед Кем можно излить все унижения, всю скорбь, всю боль о себе, о Родине, о близких, оставшихся дома и несущих бремя советского строя...

Кончается литургия. Подходят целовать крест, целуют руку священника, целуют его ризы, стараются, несмотря на строжайшее запрещение, шепнуть несколько слов, передать записку, с адресом, с просьбой разыскать близких. А немцы начинают зверствовать в открытую. Страшные расстрелы евреев. Аресты «инакомыслящих». И колоссальных масштабов систематическое, продуманное уничтожение русской живой силы - военнопленных».¹⁹

В берлинской газете «Новое Слово» (21 сентября 1941 г.) появилась публикация, сообщающая о том, что 31 августа 1941 года «в рижском православном соборе состоялось специальное богослужение для русских военнопленных, на котором присутствовало 5000 человек, причем пел хор из 35 военнопленных».²⁰ Возможно, эта информация, дойдя из Риги до Берлина, подверглась некоторым изменениям. Трудно предположить, чтобы подобного рода богослужение немцы позволили совершить в Рижском кафедральном

соборе, когда даже службы в лагерях военнопленных удавалось организовывать «с огромными трудностями».²¹

Однако совсем отвергнуть этот рассказ нет особых оснований. Тем более сохранилось свидетельство клирика Латвийской епархии, некоторое время служившего в Псковской Миссии, диакона Михаила Трубецкого о подобной литургии для военнопленных красноармейцев, которую лично служил экзарх Сергей (Воскресенский). «В Риге он служил обедню в лагере для 10 000 военнопленных, и они все ревели, как маленькие дети, и среди них он организовал великолепные хоры, но, к сожалению, многие из них не перенесли тяжелой зимы».²²

Особенно важен в нашем повествовании беспристрастный источник, никак не заинтересованный в приукрашении действительности, - сводки полиции безопасности и СД, где говорилось о том, что даже те немногие богослужения, которые удалось совершить православным священникам в лагерях военнопленных в Прибалтике летом-осенью 1941 года, произвели колоссальное впечатление на красноармейцев: «Многие тысячи их исповедовались и причащались, плакали и молились, стояли совершенно тихо и неподвижно, как в потрясении, и благодарили после богослужения священников трогательными словами. Точно такие же явления можно было наблюдать в лазаретах для военнопленных, когда священники еще могли посещать их».²³

Очень скоро, в октябре 1941 года, каритативная деятельность Внутренней Миссии натолкнулась на противодействие немецкого командования, которое, в свою очередь, вынуждено было подчиниться жестким директивам, приходящим из Берлина. В 1942 году, несмотря на все обращения экзарха Сергея к оккупационной администрации, «в соответствии с общей направляющей линией богослужения для военнопленных в Прибалтике были запрещены».²⁴ Начальник Внутренней Миссии о. Кирилл Зайц, описывая сложившуюся ситуацию, с горечью недоумевает: «Это распоряжение немецких властей непонятно, так как посещение православными священниками русских пленных и беседы с ними могут принести только пользу самим немцам».²⁵

Немецкое руководство можно понять, отчеты о небывалом духовном подъеме среди военнопленных, их укреплении и сплоченности свидетельствовали о востребованности и успехе трудов православных миссионеров. Это не могло не беспокоить оккупационные власти. Кроме того, советское правительство, не приняв положений Женевской конвенции, спровоцировало немцев на бесчеловечное отношение к военнопленным красноармейцам. Если в первые недели войны Германия надеялась через государства-посредников достичь взаимной договоренности с СССР относительно военнопленных, то к концу 1941 года эти надежды окончательно развеялись. В связи с этим общее, и без того плачевное, положение советских военнопленных в немецких концлагерях ухудшилось, строго воспрещался вход на территорию лагерей гражданским лицам. В октябрьском докладе протоиерея Кирилла Зайца этому ужесточению лагерного режима также находится подтверждение: «Главный начальник над военнопленными, генерал, требует, на основании прямого закона, чтобы из невоенных никто не был допущен ни в лагерь, ни в лазареты. И это запрещение касается и всего духовенства - священников, пасторов, ксендзов. Лазаретное начальство не должно обращать внимание на то, что больные, умирающие просят призвать священника для напутствования исповедью и причащением св. Тайн».²⁷

Наконец, одной из вероятных причин запрета священникам-миссионерам посещать лагерь и лазареты с русскими военнопленными стала необычайная популярность экзарха Сергия среди православного населения Риги и всего экзархата, особенно возросшая после того, как Владыка Сергий предпочел эвакуации в Москву остаться на своем посту в Латвии, прекрасно осознавая всю серьезность и опасность этого шага. Паства и клир оценили мужество и преданность своего архиерея. В свидетельстве одного из очевидцев о митрополите Сергии говорится следующее: «На его проповеди люди приходили, а говорил он очень хорошо. И не всегда это были очень приятные слова, ибо он говорил правду и знал, что не все ему доверяют. Когда он выходил из церкви, народ окружал его, задавая вопросы или подходя под бла-

гословение, особенно после того, как он не уехал из Риги».²⁸

По достоинству оценили экзарха Прибалтики и немецкие власти, не случайно они все более и более опасались возраставшей популярности Сергия (Воскресенского). Чтобы хоть как-то нейтрализовать деятельность не в меру активного митрополита, немцы запретили духовное и материальное окормление советских военнопленных, тем самым подорвав работу Внутренней Миссии, а весной 1942 года выслали Владыку из Латвии, таким образом поставив под вопрос возможность существования Прибалтийского экзархата.

На одно из заявлений митрополита Сергия, направленное в верховное командование Вермахта, относительно духовного попечения о советских военнопленных, ведомство полиции безопасности, рассмотрев просьбу экзарха, ответило отказом: «Предложение было отклонено, так как Сергей не пользуется доверием».²⁹

Итак, к зиме 1941 года деятельность Внутренней Православной Миссии была свернута. Хотя сохранились свидетельства о том, что в отдельных случаях продолжалось окормление военнопленных православными священниками в Латвии и в Эстонии. Но это были именно единичные случаи, не организованные Епархиальным или Экзаршим Управлением, а состоявшиеся лишь благодаря инициативе священников, сумевших убедить комендантов лагерей в необходимости оказать помощь несчастным узникам.

Игумен Павел (Горшков), наместник Свято-Успенского монастыря в Печорах³⁰ в 1941-1944 гг., «несмотря на условия оккупационного режима и свой преклонный возраст, ...старался не только поддерживать порядок в обители, но и выполнять свой христианский долг, помогая голодающим, обездоленным, беженцам, военнопленным».³¹ По благословению игумена в двух приходах города Печоры, на сельских приходах и в самом монастыре непрерывно «собирались деньги и продукты не только для больных и голодающих, находящихся в больницах Печор и Пскова, в тамошних богадельнях, но и для военнопленных». Подводы, нагруженные продуктами, неоднократно отправлялись из монастыря в Псков. Не всегда оккупанты

давали разрешение пересечь границу рейхскомиссариата Остланд. Порой отец Павел лично сопровождал благотворительный «поезд» в Псков. Письма-благодарности приходили в монастырь из Пскова из богадельни на Завеличье, из городской больницы, из Псковского дома инвалидов, от больных и раненых военнопленных и персонала госпиталя лагерного пункта 134 в городе Пскове.³² В одно из своих пастырских посещений концлагеря в 1944 году игумен Павел «...под предлогом, что ему нужны работники в монастырь, вызволил из фашистского лагеря более десяти русских».³³

Активную благотворительную деятельность развил в Нарве архиепископ Павел (Дмитровский). Владыка Павел возглавлял часть Эстонской Православной Церкви, вошедшую в состав Прибалтийского экзархата и сохранявшую таким образом каноническое единство с Московской Патриархией.³⁴ В самом городе на берегу реки Наровы в «красных амбарах» были размещены советские военнопленные. Владыка сумел договориться с начальником лагеря «об оказании военнопленным помощи одеждой и бельем». Наряду с этим архиепископ Павел лично совершал в этом лагере богослужения. Раиса Матвеева до своего отъезда в Псков, где она примкнула к Псковской Миссии, жила в Нарве и была давно знакома с архиепископом Павлом. Узнав о том, что Владыка посещает лагерь, Матвеева попросила его взять «с собой в качестве певчей, потому что много лет пела в церковном хоре».³⁵ Благодаря ее рассказу можно воссоздать картину служения архиепископа Павла: «В назначенный день пришла в соборную ограду, где около большой двухколесной тележки хлопотали пожилые женщины, укладывая и закрепляя мужское белье, чтобы оно не свалилось. Подъехав к лагерю, тележку сдали на вахту, а Владыка и мы вошли в огромный амбар. Поднялись наверх, где был деревянный пол - настил, на котором в ночную пору вповалку спали военнопленные. Посредине стоял аналой (видимо, Владыка был здесь не первый раз), на который он положил крест и Евангелие. Плотной стеной окружили пленные Владыку. Отслужив молебен, он произнес слово, насыщенное любовью к изнемога-

ющей Родине и русскому народу и верой в победу».³⁶

В Латвийской епархии, несмотря на трудности, возникшие в Риге в конце 1941 - в начале 1942 года, помощь военнопленным Красной Армии все-таки в отдельных случаях проводилась. Вдалеке от столицы, в провинциальном городке Карсаве настоятелем храма св. Ефросинии Полоцкой о. Иоанном Трубецким³⁷ была организована «помощь пленным советским солдатам в немецком лагере «Малнава», где стараниями Русского Комитета было спасено немало жизней, но еще больше - душ людей».³⁸

В городе Виндау (ныне Вентспилс) до своей хиротонии во епископа Рижского служил и являлся благочинным района протоиерей Иоанн Гарклавс. Помощь беженцам и военнопленным стала неотъемлемой частью его служения. В этом районе комендант лагеря разрешил священнику совершать богослужения в лагере военнопленных, но отказывался принимать собранные при храме продукты. Тогда о. Иоанн прибег к хитрости, повелев своим помощникам на приходе испечь для литургии в лагере особые просфоры, в несколько раз больше обычных. Администрации лагеря священник пояснил, что наделение причащающихся церковным хлебом-антидотом - обязательная часть древнего православного обряда. Немцы не стали возражать против освященной веками церковной традиции, а военнопленные, участвуя в литургии, смогли еще хоть немного подкрепить свои надорванные силы.³⁹

Наряду с такими отрадными фактами, немецкие власти продолжали придерживаться жесткой позиции в отношении советских военнопленных и их участия в православном богослужении. В связи с этим оккупационная администрация требовала от Экзаршего и Епархиального Управлений строгого контроля в этом вопросе от подведомственного духовенства. В октябре 1943 года по благочиниям Латвийской епархии было разослано соответствующее распоряжение: «Правительственные учреждения напоминают, что каждое общение с военнопленными строго запрещено, вследствие чего пленным запрещено также посещение храмов. Поэтому в тех случаях, когда в храмы являются упомя-

нутые военнопленные, настоятели должны просить их оставить храм, а в случае непослушания сообщать о том полиции».⁴⁰

Другое предписание, подготовленное в канцелярии Епархиального Управления, рекомендовалось настоятелям храмов вывесить «на видном месте у церкви». Здесь подход оккупационной администрации выражен в несколько смягченных тонах: «По распоряжению надлежащих органов государственной власти военнопленным воспрещается посещать общественные богослужения, в связи с чем для них будут устраиваться особые богослужения в предназначенных для сего местах». На практике же добиться разрешения на проведение таких специальных богослужений для военнопленных зачастую было довольно сложно.

В Епархиальный Совет Латвии в начале июня 1943 года пришло весьма любопытное обращение от пастора Яунаценовского прихода П. Кирсона. В письме пастора было высказано предложение «...прислать священника для совершения православного богослужения для русских пленных в Яунаценовской и Вадактской волостях».⁴² Видимо, военнопленные из лагеря, располагавшегося недалеко от Яунаценовского лютеранского храма, в большинстве своем относили себя к христианам православного обряда, а потому пастор Кирсон, искренне желая помочь заключенным, обратился в Епархиальный Совет Латвийской Православной Церкви, не злоупотребляя бедственным положением несчастных, он не допустил в их отношении попыток прозелитизма. После заседания Епархиального Совета было решено «немедленно хлопотать у соответствующих властей о разрешении пленным собраться 24 июля 1943 с. г. на богослужение». Вместе с тем была отправлена благодарность пастору Кирсону «...за проявленную им заботу о православных».

Между тем, как уже говорилось, Внутренняя Православная Миссия, изначально сориентированная на окормление военнопленных, осенью 1941 года была вынуждена приостановить свою работу. Однако ее руководитель - протоиерей Кирилл Зайц был в принципе против выжидательной тактики - когда же наконец немцы сделают уступку и вновь позволят православным миссионерам посещать лагеря военнопленных. В своем

докладе к митрополиту Сергию (Воскресенскому) от 13 ноября 1941 года о. Кирилл подробно изложил свое видение возможных направлений миссионерского делания в новых сложившихся условиях: «...работа по внутренней миссии и в мирное время, тем более в нынешнее военное время, не должна не только прекращаться, но и ослабевать. Сейчас же, если исключить работу среди военнопленных, другой миссионерской работы в Епархии не видно никакой. Если препятствием служило большевицкое засилье, продолжавшееся целый год, а после него военное время, то теперь, кажется, уже настало время, с отодвижением от нас военных действий, со всею серьезностью взяться за миссионерскую работу. Работа эта должна быть неотложна.

Прежде всего, безотлагательно необходимо начать просветительно-миссионерскую работу с молодежью. За время усиленной пропаганды коммунизма, распространения различных отрицательных теорий или учения о равноценности всех верований, всех религий и заметно развившегося в последние годы среди православных равнодушия к своему Православию, - молодежь потеряла возможность правильной оценки всевозможных теорий, потеряла и прямой путь к достижению намеченной для человека цели его земной жизни, каковая ясно выявлена в Святом Православии. Однако сейчас наблюдается в молодежи и страстное стремление обрести потерянный был смысл жизни, обрести Бога и религию. Сердце горит и пламенеет. На это ясно указывает почти неудержимое стремление многих юношей отправиться в разоренную Русь на миссионерскую работу. Этот огонь разгорелся, и он не должен загаснуть. Причины воспламенения сердец могут быть усмотрены в той жалости, в том сочувствии к неимоверным страданиям родного народа, в неудержимом желании оказать ту или другую помощь, что не может не тронуть сердце христианина».⁴⁴

Далее о. Кирилл предлагает конкретные шаги в миссионерской работе: «А) в самое ближайшее время устроить среди молодежи регулярные беседы, с подробным выяснением Православного основного учения и с подробным указанием на заблуждение сектантов и римско-католиков, и обличением этих заблуждений;

Б) во время занятий слушатели обязаны не просто выслушивать предлагаемые беседы, а должны вести записи, уметь отыскивать в Библии нужные тексты, заучивать их, уметь выявить трудные места в Священном Писании и места, извращаемые сектантами. Должно в основных положениях усвоить и учения сектантов. Занятия могут быть не менее 3 раз в неделю; записавшиеся слушатели должны посещать занятия неотпустительно.

Лекторами на занятиях с молодежью помимо меня могут быть назначены Его Высокопреосвященством еще и другие лица.

Кроме изучения миссионерских вопросов непременно должно быть и изучение песнопений Православной Церкви под руководством лица, назначенного Владыкой.

Весьма желательно издание миссионерского журнала и листков, что теперь пока невозможно, но к чему надо будет приступить при первой возможности.

Для поднятия религиозного духа и сплочения православных должны быть устраиваемы торжественные богослужения во дни храмовых и других праздников, при участии возможно большего количества духовенства соседних приходов, с обязательным произнесением и проведением нескольких бесед на Евангельские или злободневные, а где нужно, и миссионерские темы. Для усиления торжественности в провинции и привлечения возможно большего количества богомольцев как данного прихода, так и соседних следует, на счет миссионерских сумм, командировать кого-нибудь из центра для принятия участия в торжестве. Основываясь на опыте миссионерской службы в довоенное время, считаю эту меру обязательною.

Со временем необходимо устроить и миссионерские краткосрочные курсы для молодых иереев и псаломщиков, так как специально миссионерские вопросы в бывшем Богословском Институте не разбирались».⁴⁵

Многие предлагаемые протоиереем Кириллом Зайцем меры позже нашли свое воплощение в церковной и миссионерской работе в оккупированных немцами русских областях. Издание миссионерского журнала «Православный Христианин», организация Богословских Курсов в Вильно, где особое внимание было уделено именно миссио-

нерской подготовке студентов (не кто иной, как сам о. Кирилл преподавал на Курсах сектоведение и миссиологию), наконец, просветительская и миссионерская работа с детьми и молодежью, достигшая большого размаха в рамках деятельности Псковской Православной Миссии.

Экзарх Сергей (Воскресенский), познакомившись с докладом начальника Внутренней Миссии, не долго думая, назначил опытного миссионера на руководство теперь уже Внешней Православной Миссией с центром в Пскове. По-видимому, Владыка решил, что опыт, энергия и талант о. Кирилла окажутся более важными и нужными как раз в русских оккупированных областях, там, где начиналось церковное возрождение, там, где разгоралась духовная брань за душу русского человека, из которой Псковская Православная Миссия вышла победителем.

Об основных направлениях работы Внешней Миссии в этой статье подробно говорить не будет. Внимание здесь будет сосредоточено на делах милосердия, а точнее на помощи, которую Псковская Православная Миссия оказывала советским военнопленным.

С конца 1941 - начала 1942 года во многих городах оккупированного Северо-Запада России появляются благотворительные организации, которые, как правило, организовывались по инициативе русской общественности. Практически во всех случаях в работе этих организаций, комитетов и обществ активное участие принимала православная церковь в лице ее священнослужителей - членов Псковской Миссии и их паствы. Их заботами собирались денежные и материальные средства, одежда и продукты питания, предназначенные для беженцев, детей-сирот, стариков и всех, кто остался без крова и возможности выжить без посторонней поддержки.

Примечательно, что нередко возглавляли общественные благотворительные организации члены Псковской Миссии. Так, например, председателем Комитета Народной Помощи в Дно являлся благочинный Дновско-Порховского округа о. Василий Рушанов, а Народную Помощь в Пскове некоторое время возглавлял о. Иоанн Легкий.

В Острове благотворительную организацию «Русский Красный Крест» также возглавил местный благочинный о. Алексей Ионов. Он являлся душой и организатором островского Красного Креста. Впервые священник становится инициатором в создании каритативного общества, тогда как в других случаях инициативу в этом направлении проявляли глава городской или районной Управы, а подчас и немецкие оккупационные власти. Например, в городе Солцы «по предложению местного военного коменданта» была создана «инициативная группа во главе с начальником района, настоятелем собора, заведующим здравотделом, заведующим Отделом народного образования, представителем городского и земельного управлений для образования комитета народной помощи».⁴⁶

Еще одной отличительной чертой «Русского Красного Креста» от других благотворительных обществ стало то, что его служащие, в своем большинстве, являлись прихожанами храма, где служил Ионов. Некоторые из них были сподвижниками о. Алексея в трудах восстановления православных церквей города и района. Судя по воспоминаниям миссионера, главной заботой его детища - «Русского Красного Креста» стала помощь советским военнопленным. В этом также видно существенное отличие от всех остальных упомянутых общественных благотворительных организаций в оккупированных районах Северо-Запада России. Естественно, эти организации находились под строгим контролем немецких властей, не допускавших, как правило, возможности проникновения гражданских лиц в лагерь военнопленных, даже если это продиктовано гуманными побуждениями.⁴⁷

Отец Алексей Ионов также отмечал, что «немцы терпели эту организацию» только до его отъезда в Псков. Этот факт свидетельствует об авторитете миссионера даже среди немецких военных чиновников, не решавшихся силовыми методами прервать деятельность «Русского Красного Креста» в Острове, хотя бы до тех пор, пока его возглавлял о. Алексей. По-видимому, плодотворные труды организации во многом являются заслугой ее руководителя - священника-миссионера Ионова.

Батюшка и его помощники взяли под свою опеку один из лагерей военнопленных, располагавшихся близ Острова. Члены «Русского Красного Креста» расклеивали по городу воззвания о сборе продуктов для советских военнопленных. Из собранных пожертвований готовились горячие обеды для узников лагеря и доставлялись им дважды в неделю. После двух-трех недель регулярного окормления пленных смертность среди них существенно уменьшилась. Заслугу в этом о. Алексей отдает своим помощникам: «...очень помогали мне жены советских офицеров. Надо было видеть их самоотверженность, настойчивость и подлинное христианское милосердие».⁴⁹

Ионов признает, что помощь советским военнопленным стала возможна после того, как ему удалось добиться приема у коменданта лагеря и расположить его к деятельности «Русского Красного Креста». Наибольшим успехом о. Алексей считал Пасхальное богослужение, совершенное им для пленных красноармейцев. Миссионер после трудных переговоров получил разрешение на службу для узников концлагеря, но комендант выдвинул встречное условие: пасхальная заутреня состоится в храме «...откуда предварительно все остальные должны были выйти; двери храма охранялись вооруженными солдатами, но, тем не менее, человек 300 военнопленных, по личному желанию, наполнили наш храм, и для них было совершено специальное Пасхальное богослужение. Со слезами на глазах слушали военнопленные и радостные пасхальные песнопения. Одевая каждого не одним традиционным, а четырьмя-пятью яичками - их принесли накануне верующие люди, как только я объявил им о богослужении для военнопленных, - я приветствовал всех обычным: «Христос Воскресе!» И все, как один, отвечали: «Воистину Воскресе!» Это были бойцы Красной Армии, попавшие в плен в 1941-1942 году».⁵

Нужно отметить, что не всегда и не везде на подведомственной Миссии территории удавалось православной церкви столь успешное окормление советских военнопленных.

Первый миссионер, прибывший в Псков, и первый начальник Внешней Пра-

вославленной Миссии протоиерей Сергей Ефимов уже в начале осени 1941 года, вместе с трудами миссионерскими, принялся и за работу благотворительного характера. Подчас оба вида деятельности были неотделимы друг от друга и являлись органичным взаимодополнением. Передав пост начальника Миссии о. Николаю Колиберскому, протоиерей Сергей оставался в Пскове еще в течение 8 месяцев, являясь настоятелем кафедрального Свято-Троицкого собора. Наряду с богослужениями, миссионерскими поездками по району и преподаванием Закона Божьего в воскресной школе при соборе, о. Сергей Ефимов «посещал лазареты военнопленных раненых, лагеря военнопленных, беженцев». По просьбам самих военнопленных миссионер Ефимов служил молебны, отпевал многочисленных умерших, причащал и исповедовал раненых и недужных. В одно из посещений обессилевших и изголодавшихся красноармейцев к о. Сергию пленные обратились за помощью. Они просили священника и его прихожан, чтобы они «...не выбрасывали кожурок от картофеля и приносили их в лазарет».⁵³ Взволнованный о. Сергей с амвона кафедрального собора обратился к молящимся с проповедью, в которой поведал о виденном и слышанном в лазарете военнопленных, призвав помочь несчастным, кто чем сможет.

Видимо, здесь Ефимов пересек черту, дозволенную немцами в работе с военнопленными. Тотчас руководству Псковской Миссии из местного отделения СД пришло требование отстранить протоиерея Сергея Ефимова от служения в Миссии. Священник Николай Жунда, в тот момент прибывший из Риги в Псков, также свидетельствовал об этом инциденте: «Настоятелю собора протоиерею Сергию Ефимову за неосторожное слово: «...пленные меня забрасывают письмами» - было предложено уехать обратно в Латвию (по требованию СД)».⁵²

В следственном деле другого миссионера - о. Константина Шаховского также находим сведения о его попытке хоть как-то облегчить страдания военнопленных: «Я видел страшную жестокость со стороны немцев по отношению военнопленных, но я бессилен был что-либо сделать, я только организовывал сборы с населения одежды и про-

дуктов в пользу военнопленных». При этом, как вспоминает о. Константин, это «приходилось делать весьма осторожно, так как одного священника из Миссии /уволнили/ за то, что он в проповеди просил народ принести военнопленным хотя бы картофельной шелухи, так как они даже этого не видят».

Этот конфликт на некоторое время затруднил членам Псковской Миссии окормление советских военнопленных. А «виновник» конфликта, протоиерей Сергей Ефимов, за «неосторожное» слово был вынужден оставить служение в Псковской Миссии и в апреле 1942 года выехать в Латвию в город Абрене (ныне Пыталово - районный центр Псковской области), туда, где он служил накануне войны и где в начале июня 1941 года он был арестован сотрудниками НКВД.

В августе 1942 года комендант города Пскова обратился в Управление Миссии с предложением провести «религиозно-нравственные собеседования с военнопленными, работавшими в местной комендатуре». В то же время речь не шла о богослужениях и миссионерской работе в лагерях военнопленных. Эта возможность использована не была из-за острой нехватки священнослужителей, а повторных предложений комендант уже не делал. Тогда же, в конце августа - в начале сентября, митрополит Сергей (Воскресенский) отправил в Псков предписание, в котором требовал от Управления Миссии «добиться разрешения совершения богослужений в лагерях военнопленных».⁵⁵ После этого распоряжения экзарха ситуация медленно, но верно начинает меняться. Связано это было с усилиями, приложенными Псковской Миссией и некоторым «потеплением» в этом вопросе немецкой политики.

Осенью 1942 года о. Георгий Бенигсен разузнал, что во главе лагеря военнопленных №372 состоит «верующий немец-католик, некий Гирц». Начальник Миссии протоиерей Кирилл Зайц решил не упускать этот шанс и обратиться к христианской совести коменданта, поручив членам Управления - о. Николаю Жунде и переводчику Георгию Радецкому, - вступить с ним в переговоры. Несколько раз делегация Псковской Миссии посещала коменданта лагеря №372. Но всякий раз безуспешно. Немецкий офицер,

несмотря на христианские убеждения, не мог преступить приказ вышестоящего руководства, в котором оглашалось, что «...совершать богослужения для военнопленных мог бы только священник, состоящий на службе в лагере».⁵ Правда, комендант «обещал хлопотать» перед руководящими инстанциями, искренне желая помочь православным священникам. Обещание не было напрасным. В первый день праздника Рождества Христова, 7 января 1943 года о. Николаю Жунде было разрешено совершить богослужение в лагере военнопленных №372. Вместе с о. Николаем, в качестве помощников по службе, туда отправались протодиакон Феодор Юдин, Г. Радецкий и соборные псаломщики Иванов И.С. и Сеницкий Н.В. Однако, прибыв на место, миссионеры узнали, что по предписанию администрации лагеря на богослужение допускались только военнопленные из числа лагерной охраны, в основном состоящей из украинцев. Посланники Миссии отслужили Рождественский молебен, а в завершение его с проповедью выступил о. Николай Жунда.⁵⁷

Следующее богослужение в этом лагере состоялось в день Святой Пасхи (25 апреля 1943 года), и в нем могли участвовать все желающие военнопленные. Пасхальная служба стала возможна благодаря приглашению коменданта лагеря и, в первую очередь, личной инициативе митрополита Сергея (Воскресенского). Экзарх даже «сам намеревался возглавить богослужение», но желание Сергея не осуществилось. Слишком много дел и вопросов нужно было охватить ему за время краткого визита в Псков, да и немецкое руководство не было заинтересовано в такого рода акции, укрепляющей и без того весомый авторитет Владыки. Пасхальную литургию совершал в этот раз начальник Управления Миссии протоиерей Кирилл Зайц. Ему сослужили священники о. Николай Жунда и о. Николай Миронович, диаконы Феодор Юдин и Владимир Ширшин, в качестве певчих в службе участвовали Г. Радецкий и Н. Сеницкий. На богослужении присутствовало около 600 военнопленных Красной Армии. С проповедью о Воскресении Христовом к молящимся обратился о. Кирилл Зайц. Также пастырское слово произнес священник Н. Жунда.⁵⁸

Вслед за этим подобные богослужения были совершены протоиерем К. Зайцем и священником Н. Жундой «еще в одном рабочем лагере и небольшом лагере военнопленных». Сотрудник Псковской Миссии священник Георгий Бенигсен проводил богослужения в лагерях военнопленных, расположенных в районе реки Черехи (сегодня это пригород Пскова). По свидетельству о. Николая Жунды, деятели Миссии регулярно посещали лагерь военнопленных, расположенные вблизи, на окраине Пскова: «Богослужение в 372 лагере и соседних двух впоследствии совершались поочередно всеми псковскими священниками».⁵⁹

В конце 1942 - начале 1943 гг. более организованно и активно проходил сбор материальных пожертвований в фонд лагерей военнопленных. Руководство Миссии с разрешения оккупационных властей выпустило воззвание, которое было разослано по приходам и зачитано перед верующими: «Православный русский народ! Тронутые любовью к нашим, в плену находящимся, братьям, мы желаем им помочь и удовлетворить их нужды. С разрешения немецкого Военного Управления Православная Миссия устраивает сбор добровольного пожертвования одежды. Мы знаем, что русский человек не будет стоять в стороне, когда надо помочь своему ближнему. Мы уверены, что население охотно отзовется на наше предложение, чтобы снабдить одеждой тех военнопленных солдат, которые летом попали в плен и потому не имеют зимней одежды.

Дайте то, что можете: одежду, обувь, белье, одеяла и т.д. Все будет принято с благодарностью и будет роздано военнопленным. «Рука дающего да не оскудеет». Передайте пожертвования священникам, а где таковых не имеется, - деревенским старшинам для передачи Православной Миссии во Пскове.

Воззвание утверждено комендантом. Начальник Миссии Кирилл Зайц».⁶⁰

Кроме городов Пскова и Острова пример помощи военнопленным со стороны Православной Миссии известен в районе города Дно. Сведения об этом почерпнуты из газеты «За Родину». Статья такого рода в оккупационной прессе уникальна, ничего подобного автор не встречал ни в этом, ни в каком

ином издании. Видимо, немецкий Отдел пропаганды не приветствовал появление материалов о лагерях военнопленных. Несмотря на неизбежную идеологическую подоплеку, фактические данные вряд ли подверглись фальсификации и заслуживают нашего внимания.

Миссионерскую работу с военнопленными проводил председатель Комитета Народной Помощи и благочинный Порхово-Дновского округа о. Василий Рушанов. Отец Василий вместе с хором дновской церкви св. Архистратига Михаила 25 декабря 1942 года посетил лагерь военнопленных, находящийся в нескольких километрах от города Дно. К приезду священника на территории лагеря было подготовлено специальное помещение: убрано, вымыто, украшено, на стенах развешено несколько икон «по русскому обычаю украшенных чистыми, белыми полотенцами».⁶¹ Вместе с многочисленными военнопленными на молебен прибыло руководство лагеря (администрация) - комендант со своим переводчиком и унтер-офицерами.

«В 10 часов утра начался молебен. Стройное пение хора и горящие свечи придавали богослужению особую торжественность. Лица военнопленных, давно не слышавших слова Божия, были серьезны и сосредоточенны, все жадно ловили священные слова богослужения и набожно крестились. По окончании молебна о. Василий обратился к военнопленным с содержательным словом, в котором напомнил им о тяжелом прошлом советской России, о страшном гонении на православную религию и об издевательствах и преследованиях как духовенства, так и всех верующих людей. Он отметил также, что за эти тяжелые годы у многих ослабела вера в Бога, люди отвыкли от церковных богослужений, от молитвы, что привело к полнейшей душевной пустоте. Лишенные храмов, не слыша слова Божия, люди постепенно огрубевали, а те, в ком сохранилась искра веры, бесконечно скорбели, лишённые духовного утешения».⁶²

После молебна военнопленным были розданы подарки, которые были куплены на средства, собранные при дновской церкви. Через несколько дней после службы от дновских верующих в лагерь поступило пожертвование продуктами: картофель, мука, капуста.

Отцу Василию удалось получить согласие коменданта лагеря на дальнейшее окормление духовных и материальных нужд советских военнопленных. В недалеком будущем предполагалось проведение духовных бесед и лекций, создание церковного хора из числа узников лагеря, а главное - установить постоянную связь с церковью и наладить систематическое совершение богослужений. Из икон, которые были привезены миссионером в лагерь на время рождественского богослужения, одна была оставлена в подарок военнопленным.⁶³ Это могло послужить началом в оборудовании постоянной молельной комнаты.

Пока, к сожалению, не удалось установить, воплотились ли планы дновского благочинного, имело ли продолжение так хорошо начатое благое дело милосердия - помощи советским военнопленным. В любом случае времени на миссионерское служение у о. Василия оставалось совсем немного. В марте 1943 года священник Василий Рушанов был застрелен неизвестным во время следования из Дно в Псков в открытом товарном вагоне.

Еще одно упоминание о помощи советским военнопленным со стороны православных приходов сохранилось в рапорте протоиерея Петра Кудринского, служившего в годы оккупации в селе Рождественно под Гатчиной. До осени 1943 года (до начала эвакуации из прифронтовых районов) отец Петр обслуживал четыре лагеря военнопленных. Вот так описывает свою миссионерскую работу этот священник: «Каждое воскресенье я совершал богослужения в лагерях по порядку. Помимо этого я мог посещать лагеря в любое время и при известных условиях беседовать с военнопленными с глазу на глаз». По ходатайству Кудринского около 25 узников получили свободу, и только с августа 1943 года батюшка был лишен возможности проповедовать и служить лагерю военнопленных.

Окормление советских военнопленных православными священниками-членами Псковской Миссии допускалось немецкими властями не всегда и не везде. Некоторый сдвиг в этом вопросе, по-видимому, происходит в конце 1942 - в начале 1943 года, когда в отдельных лагерях в районе Пскова,

Острова, Дно можно было совершать богослужения и привозить продукты питания и одежду. К сожалению, одной инициативы Псковской Миссии здесь было недостаточно. Как отмечают очевидцы - жители оккупированного Пскова и бывшие военнопленные, - очень многое зависело от личности коменданта лагеря и от его желания облегчить положение узников. Это не только было делом хлопотным, но и в принципе входило в противоречие с нацистской политикой в отношении славянских наций, а потому могло повлечь взыскания и отстранение от должности «мягких» комендантов.⁶⁵

По воспоминаниям псковитянки периода немецкой оккупации, в разных лагерях советских военнопленных положение могло серьезным образом отличаться. Положительные примеры, известные скорее как исключения из общего правила, были возможны благодаря следующим предпосылкам: «1) Комендант такого лагеря не держался тупо предписанных правил, запрещавших брать пищу от населения для лагерей (личные передачи разрешались, не разрешалось общее снабжение и скопление гражданского населения около лагерей). Однако были коменданты, пренебрегавшие этим запретом и разрешавшие гражданскому населению раздавать пленным хлеб и вареную картошку. 2) Комендант следил сам за своими немецкими помощниками, чтобы скудные порции раздавались всем равномерно. ...В большинстве лагерей раздача поручалась «старшим» из самих военнопленных, а в «старшие» пробились ловкачи или, нередко, советские агенты, тем более, что они более или менее владели немецким языком. Они забирали для себя и своих большие порции продовольствия, оставляя других голодать. 3) Коменданты, которые строго следили за гигиеной. В этих лагерях пленные не умирали или лишь в редких случаях». К сказанному Пирожковой можно добавить, что лояльное отношение некоторых комендантов лагерей к посещению военнопленных православными священниками также было благоприятным фактором, способствующим укреплению духовного и физического состояния узников.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Церковная

политика оккупационных властей на занятых восточных территориях в ходе военной кампании 1941-1945 гг. претерпевала определенные изменения. Следует отметить, что в верхних эшелонах власти Третьего рейха отношение к самой Православной Церкви и ее роли в общественно-политических процессах в занятых советских областях было очень различным: одно у генералитета Вермахта, другое у чиновников РМО (Рейхсминистерство занятых восточных территорий), третье у высшего партийного руководства фашистской Германии. Также было подвержено колебаниям и отношение немецких властей к возможности окормления советских военнопленных (материального и духовного) православными священниками.

В августе 1941 года оперативный приказ № 10 Главного управления имперской безопасности, посвященный церковному вопросу в занятых областях Советского Союза, в одном из своих пунктов гласил: «Религиозную опеку военнопленных не следует особенно поощрять или поддерживать. Там, где среди военнопленных есть священнослужители, последние могут, если это соответствует желанию самих советских, осуществлять религиозную деятельность. Привлечение священнослужителей из ГГ (Генерал-Губернаторства) или с территории рейха для религиозной опеки советско-русских военнопленных исключено».⁷

Практически с первых дней оккупации православная церковь в Прибалтике, особенно организованно в Латвийской епархии, начала миссионерскую и благотворительную работу в лагерях, где содержались плененные красноармейцы. Однако осенью (в октябре) 1941 года эта деятельность, благословленная и лично возглавленная Экзархом Прибалтики Митрополитом Сергием (Воскресенским), была приостановлена под давлением немецких властей. В то же время Православная Миссия с центром в Пскове, начиная с 1942 года, смогла добиться разрешения у оккупационной администрации на посещение миссионерами лагерей и лазаретов советских военнопленных с целью совершения для них богослужений, таинств, собеседований, а также на сбор одежды и продуктов в пользу узников.

Такое отличие между Прибалтикой и северо-западным регионом России можно объяснить тем, что на территории «Остланда» (Прибалтика - Белоруссия) власть находилась в основном в руках чиновников РСХА (Главное управление имперской безопасности), РМО (Восточное министерство) и нацистских партийных функционеров, а русские оккупированные области Северо-Запада находились во власти Верховного командования армии «Север». Известно, что в своей зоне управления германская военная администрация отличалась известной долей здорового прагматизма (старалась как можно меньше провоцировать рост движения сопротивления местного населения) и, как следствие того, «проводила наиболее мягкий вариант нацистской религиозной политики».⁶⁸

Было бы по крайней мере несправедливым успех в деле духовного попечения о военнопленных, достигнутый Псковской Миссией в 1942-1943 гг., списать только на лояльность оккупационных властей. Приведенные выше случаи окормления лагерей военнопленных православными священниками и их паствой стали возможны благодаря настойчивости и дипломатическим способностям руководства Миссии и некоторых ее сотрудников, достигавших определенной договоренности с комендантами некоторых лагерей. Проповедь миссионеров, их бескорыстие и жертвенность являлись ярким свидетельством подлинно христианского служе-

ния, для которого не существует национальных, возрастных или социальных преград. Потому сотни и тысячи пленных красноармейцев участвовали в богослужениях за колючей проволокой, исповедуя себя православными христианами, откликаясь на призыв пастырей покаяться и вернуться к Богу.

Наряду с возрождением разрушенной в предвоенные годы приходской системы, миссионерским служением, духовным просвещением детей и молодежи, заметное место в деятельности Псковской Православной Миссии занимала каритативная работа - помощь обездоленным: старикам, больным, беженцам, сиротам. Особенной статьей в этом ряду можно выделить заботу о советских военнопленных. Этот немаловажный аспект благотворительной деятельности Псковской Миссии был наименее известен (да и сегодня о нем немногие знают). Это легко объяснимо - в послевоенное советское время о Псковской Миссии не принято было говорить в положительном ключе, также, как впрочем, искусственно замалчивалась и проблема советских военнопленных. Сегодня пришло время восполнить этот пробел и рассказать о религиозном подъеме среди советских военнопленных (в лагерях, окормляемых Миссией), о самоотверженном подвиге миссионеров, трудами которых сотни и тысячи узников нацистских лагерей были спасены от смерти физической (от голода и холода), но еще большее число душ человеческих было спасено от гибели духовной.

Примечания

1. «О религиозных объединениях». Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров 8 апреля 1928 года // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917 - 1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С.252.
2. Демограф В.И. Козлов приводит цифру погибших советских военнопленных на конец войны - более 4 млн. человек. Цит. по: *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Советские военнопленные в немецких концлагерях (1941-1945). М., 2003. С.107.
3. *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Указ. соч. С. 105.
4. Там же. С. 98.
5. Там же. С. 105.
6. Цит. по: *Толстой Н.* Жертвы Ялты. Париж: YMCA-PRESS, 1988. С. 19-20.
7. Цит. по: *Финкельштейн Ю.* Свидетели обвинения: Тухачевский, Власов и другие... (Проклятые генералы). Санкт-Петербург - Нью-Йорк: Журнал «Нева», 2001. С.140-141.
8. Внутренней миссия называлось потому, что ее деятельность не выходила за каноническую границу Латвийской Православной Церкви и за пределы рейхскомиссариата «Остланд».
9. *Зайц Кирилл*, прот. Доклад Высокопреосвященнейшему епископу Сергию от 23 октября 1941 года. Рига. Личный архив священника Андрея Голикова.
10. *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С.352.

11. До того, как возглавить Внешнюю Православную Миссию в Пскове, о. Кирилл около 3 месяцев руководил Внутренней Миссией в Латвии.
12. *Зайц Кирилл*, прот. Доклад по вопросам Внутренней Миссии // Даугава. 1995. №6. С. 154.
13. Там же. С. 154.
14. Там же. С. 154.
15. *Зайц Кирилл*, прот. Доклад Высокопреосвященнейшему экзарху Сергию от 23 октября 1941 года. Рига. Личный архив священника Андрея Голикова.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. *Бенигсен Георгий*, прот. Христос Победитель // Вестник Русского христианского движения. 1993. № 168. Сс. 133-134.
20. *Шкаровский М.В.* Указ. соч. С. 353.
21. *Бенигсен Георгий*, прот. Указ. соч. С. 133.
22. *Трубецкой М.* Свидетельство (из архива Н.А.Струве) // Вестник РХД. 2003. №186. С. 289.
23. *Шкаровский М.В.* Указ. соч. С. 353.
24. Там же. С.3 53.
25. *Зайц Кирилл*, прот. Доклад Высокопреосвященнейшему экзарху Сергию от 23 октября 1941 года. Рига. Личный архив священника Андрея Голикова.
26. До сентября 1941 года немцы в одностороннем порядке пересылали советскому правительству списки военнопленных Красной Армии. Не получив подобного ответа от советской стороны, немцы эту практику прекратили. См. *Толстой Н.* Указ. соч. С. 19.
27. *Зайц Кирилл*, прот. Доклад Высокопреосвященнейшему экзарху Сергию от 23 октября 1941 года.
28. *Герих А.* Сергей, митрополит Литовский // Вестник РХД. 2003. №186. С.279.
29. *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С.354.
30. Город Печоры находится в 50 км от Пскова, в 1920-1945 гг. относился к Эстонской республике.
31. *Калкин О.А.* Игумен (Горшков), наместник Псково-Печерского монастыря // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. Выпуск 26-27. С. 177.
32. Вместо славы претерпел поношение // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. Выпуск 26-27. С.179-180.
33. Там же. С. 180.
34. Другая часть православной церкви в Эстонии, возглавляемая митрополитом Александром (Паулусом), в годы немецкой оккупации вновь ушла в схизму, вновь возвратившись под юрисдикцию Константинопольского патриарха.
35. *Рацевич Р.* Страдать, так вместе с русским народом // Нарвский архиепископ. Материалы к биографии епископа Нарвского и Изборского Павла (Дмитровского), впоследствии - архиепископа Таллинского и Эстонского. Нарва, 1997. С. 12-13.
36. Там же. С. 13.
37. Священник Иоанн Трубецкой родной (младший) брат о. Николая Трубецкого, служившего в 1941 году вместе с другим братом Михаилом в Псковской Православной Миссии.
38. Голиков Андрей, свящ. Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940-1952 гг. // *Голиков Андрей, свящ., Фомин С.* Кровью убеленные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики. 1940-1955. М., 1999. С.163.
39. Устное свидетельство протоиерея Сергия Гарклавса, данное автору 3 июля 2004 года в г. Санкт-Петербурге.
40. ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. Д. № 20. Л. 104.
41. Там же. Л. 247а.
42. Там же. Оп. 1. Д. № 78. Л. 45.
43. Там же. Л. 45.
44. *Зайц Кирилл*, прот. Доклад по вопросам Внутренней Миссии // Даугава. 1995. №6. С. 154-155.
45. Там же. С. 155-156.
46. *Сольчанин.* Хорошее начинание // За Родину. Дно. 17 декабря 1942 г. № 250 (310).
47. Весьма редки, но все же известны факты, когда немецкое руководство на местах пыталось решить проблему снабжения лагерей военнопленных: «Командующий группы армий «Центр» 16 ноября 1941 года отдал приказ, обязывающий близлежащие деревни доставлять продовольствие и одежду пленным. Для этой цели были избраны представители пленных, которые обращались

- к населению с просьбой помочь лагерникам. Как свидетельствуют документы, население с энтузиазмом откликалось на подобные просьбы». – *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Указ. соч. С. 133.
48. *Ионов Алексей*, прот. Записка миссионера /Псковская миссия/. По стопам Христа. Двухмесячный духовно-просветительный листок, Православное изд-во, прот. Николая Веглайс. Берклей, Калифорния, США. 1955. № 52 С. 12.
49. Там же. С. 12.
50. *Ионов Алексей*, прот. Указ. соч. 1955. № 53. С. 18-19.
51. Бывший архив КГБ ЛССР. Д.№ 1197. Л.52.
52. ОРАФ УФСБ РФ по Псковской области. Д.№ АА 10676. Т.2. Л.261.
53. ОРАФ УФСБ РФ по Псковской области. Д.№ 75661. Л.214.
54. ОРАФ УФСБ РФ по Псковской области. Д.№ АА 10676. Т.2. Л.352.
55. Там же. Л.352.
56. Там же. Л.352.
57. Там же. Л.352.
58. Там же. Л.352-353.
59. Там же. Л.353.
60. ГАПО. Ф.1633. Оп.1. Д.№ 3. Л.1.
61. *Тамбовец*. Богослужение в лагере военнопленных // За Родину. Дно. 29 декабря 1942 г. № 259 (319).
62. Там же.
63. Там же.
64. *Шкаровский М.В.* Указ. соч. С. 386.
65. *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Указ. соч. С. 180-183.
66. *Пирожкова В.А.* Мои три жизни. Автобиографические очерки. Санкт-Петербург. 2002. С. 159-160.
67. Цитируется по изд.: *Шкаровский М.В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935-1945 годов (Сборник документов). М., 2003. С.186.
68. Там же. С. 239.